

Омар Хайям

Библиотека лучшей поэзии

ОМАР ХАЙЯМ

ДЕНЬ БЕЗ ЛЮБВИ ПОТЕРЯН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.222.1
ББК 84(0)9
О-57

*Переводы К. Бальмонта, М. Ватагина, И. Евсы
Предисловие М. Рейснер*

*Иллюстрации Э. Салливана
(Edmund Sullivan, Victoria and Albert Museum, London)*

Омар Хайям.

О-57 День без любви потеряян / пер. с перс. К. Бальмонта, М. Ватагина, И. Евсы ; предисл. М. Рейснер ; ил. Э. Салливана. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 192 с. — (Библиотека лучшей поэзии).

ISBN 978-5-17-099967-5.

Омар Хайям (1048–1131) — величайший персидский поэт, философ, математик и астроном. Свои философско-политические идеи он вовлек в формат четверостиший рубаи, которые отличаются выразительной сжатостью и художественностью, глубоким элегическим чувством и метким, насмешливым остроумием. Современники Хайяма не без оснований наградили его почетными титулами «Доказательство Истины» и «Царь философов Запада и Востока».

Считается, что за всю жизнь Омар Хайям написал около пятисот рубаи, многие из которых ярко отмечены печатью его авторской индивидуальности, отражают разные духовные фазы развития взглядов философа и поэта.

**УДК 821.222.1
ББК 84(0)9**

ISBN 978-5-17-099967-5.

© Рейснер М., предисловие
© Ватагин М., перевод
© Евса И., перевод
© Sullivan Edmund, иллюстрации
© Victoria and Albert Museum, London
© ООО «Издательство АСТ», оформление

ЗАГАДКИ «РУБАИ»

Пожалуй, нет ни одного персидского поэта, который мог бы сравниться с Омаром Хайямом по известности на Западе. Популярность ему принес перевод на английский язык сборника рубаи — малой формы персидской поэзии, состоящей из четырех полустиший, рифмующихся по схеме а-а-б-а, сделанный английским поэтом Эдвардом Фитцджеральдом в 1859 г. Однако у себя на родине Хайям и сейчас знаменит прежде всего как выдающийся ученый — астроном, математик, философ. Современники Хайяма наградили его почетными титулами «Доказательство Истины» и «Царь философов Запада и Востока».

Авторы средневековых исторических и биографических сочинений включали рассказы о нем в так называемые книги о мудрецах. Сообщения авторитетных источников касаются преимущественно его ученых занятий и карьеры придворного астролога. О Хайяме-поэте известно совсем немного: достоверных фактов почти нет, да и легендарных историй не так уж много. В средневековых персидских поэтических антологиях (тазкире) биографии знаменитых стихотворцев изобилуют легендами и анекдотическими историями, но об Омаре Хайяме в них ничего не говорится. Однако полностью обойти молчанием поэтическое творчество Хайяма средневековые источники все же не

Омар Хайям

смогли. О том, что ученый писал стихи, свидетельствуют самые ранние сообщения о нем. Эти сведения можно почерпнуть в трудах младшего современника Хайяма персоязычного историка Абу-л-Хасана Байхаки, арабоязычного историка Джамал ад-Дина ал-Кифти, арабоязычного теолога Абу Бакра Наджм ад-Дина Рази. Все они утверждают, что Хайям писал стихи по-арабски и по-персидски, и с разной степенью откровенности указывают на то, что его творения противоречат ряду важных установлений ислама. В средневековых исторических и биографических сочинениях приведено лишь шесть рубаи Хайяма. Абу Бакр Наджм ад-Дин Рази, сетуя на «заблуждения» Хайяма, отмеченного, по его словам, «талантом, мудростью, остроумием и познаниями», приводит в пример такие два четверостишия:

В этом замкнутом круге — крути не крути —
Не удастся конца и начала найти.
Наша роль в этом мире — прийти и уйти.
Кто нам скажет о цели, о смысле пути?

Отчего всемогущий творец наших тел
Даровать нам бессмертие не захотел?
Если мы совершенны — зачем умираем?
Если несовершенны — то кто бракодел?

День без любви потерян

.....

Прямое осуждение Хайяма звучит в словах автора «Истории мудрецов» ал-Кифти. Преклоняясь перед учеными познаниями Хайяма, историк отказывал ему в праведности и вере: «Не было ему равного в астрономии и философии, в этих областях его приводили в пословицу: о если бы дарована была ему способность избегать неповиновения Богу!»

Ещё в конце XIX в. один из первых русских исследователей творчества Хайяма В. Ал. Жуковский обнаружил большую группу так называемых «странствующих четверостиший», включавшихся средневековыми переписчиками не только в состав «Рубаи», но и в собрания стихов других поэтов, живших как раньше, так и позже Хайяма. Рукописями «Рубаи», близкими по времени изготовления к эпохе Хайяма, наука не располагает. По этой причине очертить реальные границы творчества Хайяма и точно определить его авторство с помощью современных методов текстологии практически невозможно. Текст четверостиший и их количество в разных рукописях колеблется в очень широких пределах. Поражаясь противоречивости взглядов, выраженных в стихах, приписываемых Хайяму, В. Ал. Жуковский писал: «Он — вольнодумец, разрушитель веры; он — безбожник и материалист; он — насмешник над мистицизмом и пантеист; он — правоверующий мусульманин, точный философ, острый наблюдатель, ученый; он — гуляка, развратник, ханжа и лицемер; он — не просто бого-

Омар Хайям

хульник, а воплощенное отрицание положительной религии и всякой нравственной веры; он — мягкая натура, преданная более созерцанию божественных вещей, чем жизненных; он скептик-эпикурец; он — персидский Абу-л-Ала, (арабский философ и поэт. — М. Р.) Вольтер, Гейне...».

Стихи Хайяма, несмотря на их безусловно крамольное и опасное по меркам его времени содержание, очевидно, имели широкое хождение уже при его жизни и вызвали множество подражаний, которые так или иначе притягивались к его имени. Таким образом, «Рубаи» — одна из загадок мировой литературы, над которой билось не одно поколение востоковедов.

Известно, что будущий ученый и поэт родился на востоке Ирана, в Нишапуре, в 1048 г. Там он закончил престижное высшее духовное учебное заведение (медресе), которое готовило не только религиозную элиту, но и государственных чиновников. Благодаря блестящим способностям и феноменальной памяти, он приобрел энциклопедические знания по всем наукам, включенным в круг образованности того времени: математике, физике, астрономии и астрологии, философии, теософии, правоведению, истории, географии, медицине, арабской грамматике, основам стихосложения и теории музыки. Он был начитан в арабской и персидской поэзии, сведущ в науке врачевания и искусен в предсказаниях по звездам. Первый успех пришел к нему в

День без любви потерян

.....

25 лет: «Трактат о доказательствах проблем алгебры» прославил его как выдающегося математика. С этого момента началась придворная карьера Хайяма. Он получил приглашение ко двору могущественного правителя династии Сельджукидов Малик-шаха (правил 1072—1092) и переехал в столицу империи — Исфахан. Следующие 20 лет он успешно занимался научной деятельностью. По настоянию сельджукидского визиря (министра) Низам ал-Мулка (1018—1092) он возглавил одну из крупнейших в средневековом мире обсерваторий. Сам визирь был выдающимся политическим деятелем, покровителем ученых, под чьей эгидой в крупных городах Среднего Востока открывались учебно-научные академии, именовавшиеся в его честь «Низамийа». Результаты работы Хайяма впечатляют. С группой других астрономов он разработал новый календарь, получивший название «Маликшахово летосчисление» (он на 7 секунд точнее ныне действующего григорианского), но реформа календаря так и не была осуществлена. Математические открытия ученого опередили современную ему европейскую науку примерно на 500 лет: так именно Хайям вывел формулу, получившую впоследствии название бином Ньютона.

Блестящий период научной деятельности Хайяма оборвался с гибелью Низам ал-Мулка. Вскоре при невыясненных обстоятельствах умер и султан. В условиях борьбы за власть между наследниками престола были свернуты ра-

Омар Хайям

боты в обсерватории. Хайям возвратился в Нишапур, где прожил до конца своих дней. В поздние годы Хайям, судя по сообщениям историков, вел замкнутый образ жизни. Имея кафедру в медресе, он общался лишь с ограниченным кругом учеников и близких друзей. Именно в это время к славе выдающегося астронома и математика он прибавил славу крамольного философа — опасного вольнодумца и веротступника. Рационалистические умонастроения Хайяма-философа достаточно прослеживаются в его философских трактатах, но в четверостишиях «вольнодумство» выражено гораздо более выпукло и откровенно. Он нечасто покидал родной город, совершив краткие поездки в Бухару и Балх и длительное путешествие в Мекку — паломничество (хадж), о котором уже упоминавшийся историк ал-Кифти сказал так: «Когда же его современники очернили его веру и вывели наружу тайны, которые он скрывал, он убоился за свою кровь, схватил <...> поводья своего языка и пера и совершил хадж по причине боязни, но не по причине богобоязненности».

Омар Хайям не был единственным на мусульманском Востоке ученым-мудрецом, слагавшим стихи. Поэтические произведения на арабском и персидском языках приписывались, к примеру, и Абу Али ибн Сине (Авиценне), чьи труды внимательно изучал Хайям. В персидской литературе Средних веков существует множество философско-религиозных сочинений, которым придана поэтическая форма. Для эпохи

День без любви потерян

.....

Хайяма справедливы слова Низами Арузи Самарканди, который в главе своей книги, посвященной поэтам, сказал: «... Как стих в каждой науке может быть полезен, так и каждая наука может найти в стихе применение». Такой четкой границы, которая ныне существует между «изящной» и «научной» словесностью, в Средние века не было. По-видимому, Хайям-ученый занимался стихотворством всю жизнь, используя четверостишия как особый род общения и философской беседы в узком кругу друзей и учеников. Тому, что его поэтические опыты стали достоянием гласности, Хайям, скорее всего, обязан избранной им стихотворной форме — рубаи.

Персидское четверостишие в его литературном (авторском и письменном) варианте по происхождению связано с устным народным творчеством. Оно по своей природе предназначено для устного исполнения и распространения. Поэтому видный отечественный востоковед Е. Э. Бертельс (1890—1957) назвал его «наиболее летучей формой персидской поэзии». Четверостишия изначально были одной из разновидностей песенного фольклора, нередко создавались в ходе импровизации и могли играть роль, сходную с русской частушкой. Для своих философских афоризмов и дерзких эпиграмм высокообразованный и рафинированный придворный ученый выбрал «мужицкую» форму, которую не слишком жаловали в стенах дворцов, но зато охотно использовали горожане-ремеслен-

Омар Хайям

ники в задорных припевках о «городских смутьянах» и мусульманские мистики (суфии) в ритуальной практике.

В поэзии Хайяма проявились не только его философские искания, но и черты его личности. Будучи, по свидетельству современника, человеком замкнутым, «скупым в сочинении книг и преподавании», «имам Омар» становился резким в высказываниях и поступках, когда речь шла о лжи, лицемерии, несправедливости. Его стихи средневековые комментаторы пытались истолковать в символическом ключе, как выражение мистической любви к Богу, но в этом не без основания сомневался ал-Кифти, который писал: «Позднейшие суфии обратили внимание на кое-что внешнее в его поэзии... Между тем сокровенное (внутренний смысл) его стихов — жалящие змеи для мусульманского законоположения и сборные пункты, соединяющиеся для открытого нападения». Действительно, некоторые рубаи Хайяма основаны на тех же образах, что суфийские стихи о вкушении «вина божественной истины». Например, такое:

Мы, покинувши келью, в кабак забрели,
Сотворили молитву у входа, в пыли.
В медресе и в мечети мы жизнь загубили –
В винном погребе снова ее обрели.

Еще в XI в. персидские поэты-суфии стали толковать образы, связанные с вином, в символическом ключе: вин-

День без любви потерян

.....

ный погребок, в котором виноторговец оделяет желающих вином, становится символом суфийского ритуала, осуществляемого под руководством учителя, которого и олицетворял «старец магов». «Старец магов» одновременно может обозначать зороастрийского жреца, суфийского шейха и хозяина питейного заведения. Суфийская символика базировалась на том, что в мусульманских странах виноделием и виноторговлей разрешалось заниматься только представителям тех религиозных общин, которым вино не запрещено их верой. Толкование в мистико-аллегорическом ключе подкреплялось известным текстом Корана, в котором описывалось пребывание праведников в раю и говорилось: «Напоил их Господь вином истинным...». Вино, упоминаемое в Коране, — это вино райских источников, которое не дает похмелья. Странников соблюдения внешней обрядности, в том числе и молящихся в мечети, и обучающихся в медресе, суфии называли «людьми внешнего знания» и осуждали за показное благочестие.

И все же едва ли можно считать «влюбленным в Бога» того, о ком в народе сложили такую легенду: однажды во время дружеской пирушки на лоне природы Хайям читал свои стихи. Когда он продекламировал одно из крамольных четверостиший, налетевший порыв ветра опрокинул кувшин, лишив собравшихся вина. Раздосадованный Хайям тут же сложил обращенный к небу дерзкий экспромт:

Омар Хайям

Ты кувшин мой разбил, всемогущий Господь,
В рай мне дверь затворил, всемогущий Господь,
Драгоценную влагу Ты пролил на камни —
Ты, видать, перепил, всемогущий Господь?

Далее легенда гласит, что Господь не выдержал такого святотатства и своей волей заставил лицо поэта почернеть. Но и это знамение не смирило богохульника, и Хайям обратился к небесам с ещё одним экспромтом:

Кто, живя на земле, не грешил? Отвечай!
Ну, а кто не грешил — разве жил? Отвечай!
Чем Ты лучше меня, если мне в наказанье
Ты ответное зло совершил? Отвечай!

Тем самым дерзкий поэт «пристыдил» Творца за несправедливость и одержал верх в этом необычном споре: лицо его вновь обрело прежний вид. Легенда не только ярко отразила характер личности философа-бунтаря, в ней предстает и сама атмосфера, в которой рождались его четверостишия. Здесь — прямое указание на то, что рубаи складывались во время беседы с друзьями, экспромтом, по ходу развития ситуации. И даже попав в сферу письменного творчества, эта жанровая форма продолжала сохранять черты устной импровизации.

День без любви потеряян

.....

Четверостишия Хайяма, объединенные позднейшей рукописной традицией в «Рубаи», можно сравнить с многослойным памятником словесности, в котором в процессе устного бытования на изначальное авторское «ядро» наслоился разновременный материал. Так называемые странствующие четверостишия, отмечаемые в собраниях стихов многих поэтов, творивших и одновременно с Хайямом, и после него, охватывают главным образом канонические темы, тяготеющие к жанру аскетической лирики (зухдийят): бренность всего земного (богатства, славы, власти), быстротечность человеческой жизни и неотвратимость конца, равенство всех перед лицом смерти, непостоянство судьбы, жалобы на ее коварство. Четверостишия, основанные на этих общих мотивах, формируют как бы внешнюю «оболочку» хайямовских «Рубаи». Что касается авторского «ядра», то оно, с большей или меньшей степенью уверенности, может быть выделено тематически, в том числе и по сходству с произведениями других поэтов-философов. Они, как и Омар Хайам, обращались к Создателю с вопросами о месте человека в мироздании, о предопределении, о свободе воли, о справедливости воздаяния за земные грехи.

Четверостишия, которые можно отнести к «ядру» корпуса «Рубаи», условно делятся на несколько «циклов», объединенных общей поэтической образностью. Один из самых характерных — цикл, который можно назвать «гончарным». Рубаи этого цикла наиболее полно характеризуют взгляды